

ГЛАВА I

Звонок в дверь разбудил молодую женщину, спавшую на диване. Она открыла глаза, тяжело поднялась и, натыкаясь на разбросанные по комнате вещи, сумки, задевая пустые и полные бутылки, пробралась к трюмо. Короткие волосы торчали во все стороны, блузка расстегнулась, юбка сбилась. Женщина потянулась за расческой, приблизила лицо к зеркалу и с отращением отшатнулась. «Тьфу, все на морде».

— Иду, — хрипло крикнула женщина и, не спеша, открыла дверь.

На площадке стояли два парня. Один — очень худой, расхлябанный, с большими глазами и мокрым носом. Другой — статный, загорелый, с волной волос над невысоким лбом. Волос необыкновенных — густых и послушных, чуть волнистых, редкого, по-настоящему пшеничного оттенка.

— Приветик, Ирка, — сказал дохлый. — Это Валек. В узких кругах — Блондин... Где у нас Жорик? — продолжал он, разглядывая бутылки на полу. — Жорика у нас нет. И, стало быть, нет причин не расслабиться на троих.

Ирка мрачно смотрела на гостей. Взяли моду. Каждый дверь ногой открывает.

— Эй ты, Васька, придурок, не хватай тут ничего своими лапами. — Она посмотрела на второго и резко подобрела.

— А блондинчик ничего. — Ирка попыталась изобразить кокетливую улыбку.

Через пять минут все трое мирно пили за столом.

— Ира, заныл Вася. — Ну дай, а? Ну за встречу. Ну в долг.

Женщина приблизила красное потное лицо с блестящими глазами к Блондину.

— А ты? Ну че? Кайф хочешь словить?

Она плюхнулась на пол и вытащила из-под серванта обувную коробку.

А потом они вдруг остались вдвоем — Ира и Блондин. Она придвинула к нему подносик с белым порошком.

— Нюхаешь? Или вмажешь?

— Муж скоро придет? — абсолютно трезвым голосом спросил мужчина.

— А тебе не все равно? — тупо удивилась Ирка.

— Не хаами, — прозвучало в ответ ровно и как-то очень презрительно. Это дошло до ее замученного мозга.

— Ты че, козел? — завопила она. — Я его принимаю тут...

Она вскочила со стула и оказалась плотно прижатой к нему. Как из тумана на нее смотр-

рело грозно красивое лицо с волной пшеничных волос.

— Ты че? Ты это, что ли? — забормотала она уже расслабленно, почувствовав его твердую руку на затылке.

— Да, — сказал мужчина и одним отработанным движением сломал ей шею. Хрустнули позвонки, а она не успела даже вскрикнуть.

* * *

Вечером началась гроза. Молния сверкала совсем рядом, за окном. Собака дрожала и скулила. Дина задвинула шторы, зажгла в обеих комнатах настольные лампы. Это беспокойство. Ничего конкретного. Просто, как опытная жертва, она чувствовала: к ней опять подкрадывается жестокая ночь. Она взбила подушки, встряхнула одеяло. Достала в кухне из холодильника минеральную воду. Две таблетки снотворного. Дина опустилась на колени перед Топазом, поцеловала в нос и пошептала ласковые слова на ушко. Затем вышла на застекленный балкон и, несмотря на ливень, приоткрыла окно. Что-то в этом есть. Дождь уже пахнет летом. Многие любят непогоду. Оттеняет домашний уют. На свете не было более домашнего человека, чем Дина. Все, что ей сейчас нужно, — это рыжая собака, красивый абажур, стопка книг на тумбочке. Но сегодня ничто не спасет от надвигающейся ночи. Дина будет убегать в сон от воспоминаний, разрывающих грудь, и просыпаться

от кошмаров. Еще две таблетки. Отвар ромашки. Ложку меда и стакан теплого молока. Еще мертвому припарка, и можно ложиться спать.

Топаз устроился рядом, как всегда, плотно прижавшись к спине. Баю-бай, дорогой.

Ей снилось, как кто-то душит незнакомую женщину. Не видно ее лица. Какие-то военные закрывали на замок клетку с людьми. А потом она во сне почувствовала, что надвигается самое страшное, то, что случилось. И заставила себя проснуться. Лежала неподвижно в темноте и шептала себе, как привыкла за время своего затворничества.

Я все забыла. Я ничего не помню. Я ни о чем не думаю.

Утро было ясным, теплым, умытым. Дина погуляла с Топиком, приготовила кофе по своему рецепту: полторы ложки «Нескафе Голд», ложку сахара и чашка горячего, не разбавленного водой молока. Достала из хлебницы ржаную лепешку. Завтрак чемпионов. Ей кофе с лепешкой. Ему миску сырой печенки. Теперь можно поспать набело. Дина скользнула в ночную рубашку, с которой рассталась два часа назад. И тут, конечно, затрещал телефон.

— Але, Галя, дорогая, давай потом. Мне нужно поспать часок. Да ты что? Серьезно?

— Еще как серьезно, — рыдала подруга. — Она пришла полчаса назад. Не ночевала! Пьяная вдупель. Ругалась матом.

— И часто она «вдупель»?

— Каждый день. Точнее, ночь. Я вчера ее устроила на работу. К нам в институт. Ну не директором же. Посуду мыть в столовой. Она сбежала оттуда через час. Вот сейчас вернулась домой. И с порога: «Сама мой эти сраные тарелки».

— Подожди. Не реви так. А что там у тебя за шум?

— Это не шум! Это Наташка храпит!

— О господи! Слушай, я подумаю и тебе позвоню.

Дина задумчиво положила трубку. Семь лет назад незамужняя подруга Галя удочерила девочку из детдома. Ей было десять лет, Наташке, ласковой и прилипчивой, как котенок. И вот, пожалуйста. «Вдупель». Собственно, ничего страшного. Сейчас Наташка дома, и ей хорошо: она храпит. Галя о ней беспокоится. А мы ложимся спать. Дина залезла под одеяло. Положила рядом три новых романа. Пролистала по очереди, хватая по фразе. «Эльза шла по подиуму». «Эмма застегнула на шее бриллиантовое кольцо». «Натали замерла под светом софитов». Черт! Вот оно, решение. Кому действительно сейчас понравятся сраные тарелки? Особенность демографической ситуации состоит в том, что вместо людей женского пола на подмостки жизни вышли потенциальные модели. И среди них полно страхолоудин, которые рядом с Наташкой и постоять не имеют права.

Дина быстро набрала Галин номер.

— Это я. Есть. Звони в модельные агентства. У них там наборы, кастинги или что-то в этом роде. Объявления ищи.

* * *

Галя осторожно приблизилась к храпящей дочке. С отвращением принюхалась. Чем от нее несет, кроме перегара? Наташка спала в одних трусиках, не очень чистых. На бедрах какие-то подтеки. Может, ее изнасиловали? Человек десять? Найду и убью всех.

Галя вспомнила, как впервые привела ребенка в дом. Сняла с нее и бросила у порога заскорузлое от грязи платье. И обнаружила, что все тело девочки покрыто какой-то коркой. Не бывает же у детей такой кожи. Волосы слипшиеся, и в них явно кто-то живет. Галя почувствовала жуткий протест. И сразу сообразила, что нужно делать. Она смазала Наташкины волосы керосином, натерла ее всю подсолнечным маслом, велела час посидеть на клеенке, а потом на несколько часов замочила ее в горячей ванне. Девочка немного посопротивлялась, но когда Галя пригрозила ее утопить, смирилась и задремала на подсунутой под голову подушечке. Потом был бурный процесс отмывания. Выбившись из сил, вся взмокшая, Галя бросила Наташке полотенце, а сама вывалилась на кухню. Она капала в рюмку валокордин, когда на пороге появилась обнаженная девочка, розовая, изящная, как фарфоровая статуэтка, вся в

стружках мокрых пепельных волос, обрамлявших идеальное личико. Галя ахнула, закутала девочку в халат и поклялась, что никогда не даст ее в обиду.

Воспоминание укрепило ослабевшую за это утро любовь. Громко заголосив, Галя упала на грудь спящей Наташки, стараясь, впрочем, особенно не внюхиваться.

— Доченька родная, что с тобой сделали?

Наташка широко открыла голубые глаза:

— Ты что, спятила? Перестань меня душить! — Сильно лягнув Галю грязной ногой, повернулась лицом к спинке дивана. Сонно пробормотала: «Больная баба», — и сладко всхрапнула.

* * *

Сергей Кольцов, частный детектив и по совместительству фотохудожник, проводил утро в своем офисе. Таковым была крошечная комната в аварийном доме на Цветном бульваре. За стенкой — мастерская друга и профессионального фотографа Олега. Свой самостоятельный бизнес оба начали два месяца назад и, как могли, помогали друг другу. Олег оставил работу телеоператора, Сергей пятнадцать лет проработал следователем Генеральной прокуратуры. Посетителей в это утро не было, что не являлось исключением из правил. И потому частный детектив задумчиво рассматривал разложенные на столе снимки. Олег делился с ним

заказами: портреты богатых дам, портфолио моделей, снимки для рекламы. Сергей делал это вполне профессионально. Но удавалось ему другое. Он умел ловить счастливую случайность. Интересный ракурс, мимолетное прелестное выражение, испуг, радость, смущение, безмятежное бесстыдство. Такие снимки брали на выставки, они побеждали на конкурсах. Больше всего наград было у портрета «Девушка у реки», опубликованного в нескольких престижных зарубежных журналах. Но в последнее время Сергею не везло. Или просто было неохота искать особые мгновения. Достали суровые будни. Дело не в количестве работы, а в качестве. Оправдывая лицензию частного детектива и поддерживая финансовую мощь предприятия, Сергей, как последний мудака, добывал «свидетельства неверности супругов», как это называлось в его объявлениях. Иногда брался получать долги. Конечно, даже это лучше, чем биться о стену коррупции прокуратуры. Но о вдохновении речи быть не может. К тому же дома... Так сразу и не сформулируешь, что не так дома. Жена Лариса. Провинциальная девушка — цветок, пересаженная им на столичную почву.

* * *

Тамара прижала горячий лоб к оконному стеклу. Попробовала зажать уши ладонями. Но и так слышала пронзительный вопль из первой

палаты. Почему она не привыкла? Почему сжимается, как от боли, и начинает задыхаться? Потому что невозможно привыкнуть к такой процедуре. Шесть санитарок и медсестер раздевают догола рыдающую женщину, привязывают руки и ноги к спинкам кровати какими-то чулками, которых здесь почему-то в избытке. И под услужливый хохот фавориток на лицо, тело и кровать жертвы льют холодную воду из ведра для мойки полов. Они даже термин придумали, эти идиотки: «на вязки». Им пользуются даже врачи в воспитательных целях. Тамаре «вязками» только угрожали в первые месяцы. Потом поняли: не тот случай. Она умела посмотреть властно и спокойно. Она умела встать и выйти, как королева. Тамара, умница, доктор философских наук, четыре года живущая в психушке № 51. Все, что она выучила, прочитала, узнала о жизни, в настоящее время свелось к одному выводу. Когда жизнь останавливается, человек необязательно умирает. Только если у него получится. Никто не знает, как может выглядеть твой главный шанс. Ее шанс напомнил о себе тупой, тянущей болью внизу живота. Скоро наступит момент, когда они не смогут больше держать ее за этими решетками.

Тамара добрела до туалета. Там, у четырех открытых унитазов, курили несколько счастливых обладательниц сигарет. Вокруг них плотным кружком стояли охотницы за «бычка-

ми». Тамара протиснулась к умывальнику и сняла трусики, на которых расплылось бурое пятно. Долго отмывала его под краном. Затем спокойно вошла в палату.

— Тamarочка, ты где была, в туалете? — спросила Лиля Новожилова, доверчиво глядя своими светлыми, абсолютно безумными глазами. — А ты не видела там моего папу?

— Видела, Лилия. Привет он тебе передал.

* * *

В дверь деликатно постучали. Сергей быстро смахнул в ящик стола фотографии и сделал умное лицо.

— Войдите.

Открыв дверь, женщина неуверенно сказала с порога:

— Я хотела бы видеть частного детектива.

— Вам повезло. Слушаю вас внимательно.

— Понимаете, мне нужен не столько детектив, сколько умный и добрый человек.

— Не знаю, может, вам и повезло.

* * *

Дина тяжело вздохнула и напечатала название рубрики: «Дорогая Нина». Она писала ответы на письма для дешевой желтоватой газеты.

Часто сочиняла и сами письма. Дело муторное, но только оно давало возможность ни с

кем не контактировать в редакции. Оставляла секретарю готовые тексты на три полосы, брала новые письма, получала в бухгалтерии сумму прописью и отправлялась в магазин за печенкой для Топика. Килограмма на 3—4 денег хватало. Раз в неделю.

Итак, что же вы накропали, нацарапали своей «дорогой Нине»? Она прочитала с пяток писем. Ребята сегодня не в форме. Можно ли давить прыщи? Почему мужчины не такие романтичные, как женщины? Хорошо ли это, получать большую зарплату? Дураков всегда оказывается больше, чем хотелось бы. Нет, нельзя идти на поводу. За ответы на такие вопросы фиг нам дадут, а не деньги на печенку. И она решительно напечатала первую пришедшую в голову фразу: «Я два года скрываю свою страсть». Так, подумаем, к кому же автор письма может скрывать свою страсть? К мужу сестры? К сестре жены, к теще, свекрови, теще, свекру? К бокру, дядьке Черномору, старухе Шапокляк?

«Мастерство берет свое», — удовлетворенно подумала Дина через час, сунув в папку шесть машинописных страниц.

Перед тем как уснуть под чудесное сопение собаки, Дина в деталях представила себе белую виллу, прогретые солнцем ступени, спускающиеся прямо в море, горячий золотистый песок. И во сне она легко плыла в прозрачной воде, а кто-то махал ей рукой с террасы.

ГЛАВА 2

Блондин посмотрел на часы. Без пяти двенадцать. Он в графике. Поднял тело с пола и положил на диван лицом вниз. Случайный человек и не поймет, что Ирина мертва. Затем взял свой стакан и сунул в карман куртки. У двери прислушался: нет ли кого на площадке. Бесшумно вышел, спустился по ступеням и исчез в темноте.

* * *

...Александра арестовали дома часов в девять вечера, когда он собирался с беременной женой на прогулку. Он не сопротивлялся. Наоборот, хотел побыстрее попасть в милицию — разобраться, в чем недоразумение. Его заперли в пустой комнате на несколько часов. В двенадцать вошел участковый и предложил стакан с небольшим количеством водки.

— Я не хочу, — удивился он.

— Пей. Мы там с ребятами... Тебе еще долго ждать. — Саша выпил. Через пятнадцать минут участковый явился с человеком в штатском, который представился следователем.

— Объясните, пожалуйста, в чем дело, — начал Александр.

— Обязательно, — прервал следователь. — Мы только кое-что уточним. Вам придется снять ботинки. Не беспокойтесь. Формальность. Вернем через полчаса.

Ботинки действительно швырнули через час. За ними ввалился уже совсем пьяный участковый.

— Влип ты, майор. Обвиняешься в убийстве. Любовницу свою замочил.

* * *

Галя вела Наташу на кастинг в модельное агентство «Суперстар». Та не выпалась и плелась, как бурлак по Волге. Но выглядела здорово. Галя вечером раз пять вымыла с шампунем ее роскошные, длинные волосы, зверски терла мочалкой нежную кожу на лице и шее. Затем намазала дорогим кремом. Мокрые волосы заплела в косички, чтобы с утра легли волнами. Утром Наташа, как миленькая, десять минут чистила зубы, умывалась горячей и холодной водой. Когда у нее освободился рот, изрекла: «Это становится у тебя манией». А Маша, соседка по коммуналке, злорадно проворчала: «Все равно на рогах приползет». Они дружно ее проигнорировали и приступили к самому главному. К облачению в новое платье. Его привезла знакомая из Турции для себя, но ее убивал слишком яркий голубой цвет, а Наташку он, мягко говоря, не убил. Наряд как будто придуман именно для нее. Рукав фонарик, круглый кружевной воротничок такого же цвета, как платье, и что-то типа кружевного передничка вшито в юбку. А сзади — спина, открытая до поясицы. Чистая Лолита. И выгля-

дит в свои семнадцать от силы на пятнадцать. Немного туши на пушистые ресницы, капелька серо-голубых теней и розовая перламутровая помада. Кукла Барби, скажи мне «мама». Нет, лучше не открывай рот, потому что голос у куклы, как у немолодой торговки семечками, — грубый и хриплый, а интонации хамские. Жестокая это штука — гены. Биологическая мамашка растаяла как дым, когда девочке года не было, а фамильными особенностями наградила.

От метро «Парк культуры» до агентства нужно было идти минут пятнадцать. Но уже через несколько метров они увидели длиннющую пеструю очередь. Уходящие вверх ноги в таком количестве были похожи на что угодно, только не на части тела.

Наташка оторопела. Вцепилась в Галину руку и беспомощно на нее посмотрела.

— Ёб... — сказала она, — тут же блядей хуева туча.

* * *

Лариса Кольцова лежала с закрытыми глазами, прислушивалась, как собирается на работу муж, и каждый звук вызывал в ней волну раздражения. В последнее время это стало ее доминирующей реакцией на все, что происходило вокруг. Кажется, совсем недавно они с Сергеем радовались как дураки, купив эту но-

вую двухкомнатную квартиру. Ну с ним все ясно. А она... Неужели она не видела тогда, что это — жалкая конура для нищих и неудачников? Лучше на вокзале пересидеть, пока появятся эти чертовы деньги. А с какой радости они вообще появятся? Он ушел из прокуратуры. Хорошо. Там мало платили. Но он отдавал эти копейки ей, а не оставлял их на развитие следственных органов. Сейчас у него не зарплата, а гонорары, которые нужно пускать на развитие дела. На занюханное агентство, весь штат которого — один получивший пинок под зад прокурор. Лариса могла бы ему сказать, что деньги платят не за работу, а человеку. Люди не ошибаются. Они знают, кому заплатить, а кто перебьется. Она могла бы ему объяснить это, но не стоит усилий. Потому что он с каждым днем становится все более упертым ослом.

Ларису раздражала работа. Потому что из ведущей самостоятельной программы ее из зависти перевели в программу большой шишки на ровном месте Его Величества Стражникова. Он в часовом эфире дает ей пять минут — новости прочитать. Она, кажется, стала ненавидеть приятельниц. За наряды, украшения, отпуск на Канарах. Самое ужасное заключается в том, что ее постоянно плохое настроение все замечают. На днях редактор Светка Орлова к чему-то сказала, что ее муж — самый модный в Москве психоаналитик. Звезды к нему в очередь записываются. Психоаналитик! Фельдшер

из «дурки», который открыл частную практику с большим успехом, чем муж Ларисы. Собственно, можно попробовать.

Лариса поняла, что давно уже находится в квартире одна. Скотина. Не мог попрощаться, сказать, когда придет. Ты меня целовал, уходя на работу. Да пошел...

Ей ужасно не понравилось отражение в зеркале. Мешки, подбородок и щеки дряблые. Пластического хирурга мы себе не позволим, а в косметический салон не съездить просто нельзя. Но только не туда, где все свои. Может, на Ленинградский проспект? Там такой маленький уютный закуток. И массажист. Интересный там массажист. Коренастый, очень смуглый, с ежиком жестких волос и светло-зелеными глазами. Вызывающе яркий парень.

* * *

Сергей задумчиво курил за своим столом. Через полчаса придет вчерашняя посетительница. Он должен ей сказать, берется ли за это дело. За это тяжелое даже для целого следственного отдела расследование с оплатой в кредит. С успеха. Уходя на вольные хлеба, он советовался с опытными людьми. «Прежде всего возьми себе за правило, — сказал один бывший важняк, — никакой благотворительности. Никаких услуг знакомым и доверия хорошим

людям, попавшим в беду. У нас все в беде. И прежде всего ты сам, пока у тебя нет приличного счета в банке». Сергей понимал, что это правда. Но к нему обратились не за одолжением. Просто в порядке исключения — деньги после победы. Разве ему победа нужна меньше, чем деньги? Это ж такая история, такая схватка. С одной стороны, одинокая, замученная баба, с другой — вся сволочная, продажная система.

* * *

Тамару разбудил зычный вопль: «Подъем!» Зачем так орать в начале седьмого у палат, где все просыпаются от стука форточки? Сегодня, кажется, что-то случилось. К ним приближается топот и гогот. Точно: врываются в палату скульптурной группой из четырех бабиц — две медсестры, санитарка и сестра-хозяйка. Радостные, как будто им медали выдали.

— Просыпайся, Тамара, — заливаается румяная Валя. — У вас тут опять бесплатный концерт! Новожилова три куска хлеба в м-ду засунула. Боятся теперь, что они в желудок пройдут, и завтрак не влезет.

— Новожилова! — захлопотали они у кровати Лили, — готовься. Будем операцию проводить.

Молодец Лилия. Находит достойные дела для достойной команды. Тамара собрала в пакет свои «банные» принадлежности и отправи-

лась в туалет. Там она захватила один из двух умывальников, включила сильную струю холодной воды и тщательно вымылась — сначала до пояса, затем до колен, потом по очереди задрала ноги в раковину. Человек пять, стоя у стены с полотенцами, внимательно наблюдали за процедурой.

— Тамарка, — добродушно сказала толстая Рая, — а чего ты жопой в раковину не сядешь?

Ответа не требовалось. Рая, в восторге от своего остроумия, заколыхалась всем мягким телом.

Из туалета Тамара перешла в коридор, на пяточок у телевизора.

Усложненная гимнастика по полной программе. Это зрелище собирало больше зрителей. Тамара, мастер спорта по спортивной гимнастике, не разрешала своим мышцам слабеть и атрофироваться в обстановке душевной апатии, коллективной депрессии, под воздействием угнетающих мозг и чувства препаратов. Ее тело — зрелой, сильной, тренированной женщины — за четыре года нисколько не изменилось. Завтрак прошел, как обычно. Тамара отдала свой кусочек сливочного масла толстой Зине, к которой каждый день приходила мама с пирожками, а та опустила в карман халата очередное письмо, которое мать Зины отправит очередному адресату. Так Тамара отправляла «на волю» свои заявления все четыре года.

После завтрака Тамара ходила спортивным

шагом по узкому коридору, стараясь отвлечься от боли. И вдруг услышала громкий крик медсестры: «Синельникова! К тебе пришли». У Тамары замерло сердце. Она, как в тумане, смотрела на лицо незнакомой женщины и, как сквозь вату, слышала:

— Меня зовут Валентина Петровна. Я из Комиссии по гражданским правам. Вашим письмом мы занимаемся довольно давно. Извините, что я смогла встретиться с вами только сегодня. Мы знаем, вам нужна операция. На днях вас переведут в клинику по нашему заявлению. Остальные обстоятельства вашего дела рассматриваются. Мы даже обратились к частному детективу.

Слез давно не было. Тамара лишь почувствовала, как спрятанный в ней огонь обжигает глаза.

* * *

Ричард Штайн, один из самых богатых и могущественных людей на земле, вышел из бассейна на вилле в Сан-Тропе и, не вытираясь, опустил в шезлонг. Он отдыхал, стараясь ни о чем не думать.

Но мозг привычно сопротивлялся состоянию покоя. Еще утром Ричард побывал в офисе своей фирмы в Париже: собрал менеджеров, разработчиков новых проектов, ответственных за рекламную поддержку. Он сообщил

им об открытии сети новых ювелирных салонов экстра-класса.

— Это будут магазины не для элиты. Это магазины для людей, которые с высоты своего положения замечают элиту не больше, чем песок на пляже. Для людей, чья прислуга носит украшения от Картье. И вот вам символ, эмблема, талисман и название наших магазинов.

Ричард вынул из ящика стола золотистую парчовую коробочку и открыл ее. На белой бархатной подушечке таинственно и празднично мерцал крупный черный бриллиант. Этот камень он привез с собой. Он не был самым большим из тщательно подобранной для него коллекции черных бриллиантов. Но он выделялся, бросался в глаза. Необыкновенный, живой луч в этом камне завораживал и пленял. За все полвека своей жизни Ричард еще никогда не влюблялся так страстно и восхищенно в какой-то камень, вещь. Да что там вещь, он и в людей так сроду не влюблялся. Ричард накинул белый шелковый халат, подошел к белой, прогретой солнцем вилле, хотел подняться на террасу, но передумал. Спустился по горячим мраморным ступеням прямо к морю, волна поцеловала ступни. Он прошел немного по прозрачной воде и вдруг резко оглянулся. Ему показалось, что кто-то зовет его с террасы. Ему только показалось.

ГЛАВА 3

Блондин вошел в свою квартиру в двадцать минут первого. Соседка Маша еще возилась на кухне. Черт, дура беспокойная.

— Привет, Мурка! Че не спишь? Опять мужик шляется? А я с ребятами засиделся, чуть на метро не опоздал. И, представляешь, уже у дома вспомнил, что сумку с продуктами забыл у друга. Так что он может позвонить. Ты позови, если спать не ляжешь.

Он вошел в свою комнату, лег, не раздеваясь, на диван и закрыл глаза. К телефону его позвали через пятнадцать минут.

— Все путем. Адрес помнишь? Через полчаса будь там. Посмотри, чтоб сигнализация сработала.

— Ясно. — Перед тем как положить трубку, Блондин громко произнес в сторону двери соседки: — Толян, ты че, серьезно? Прямо в шесть утра? Так я сейчас и засочу. Все ж таки жратва на неделю.

В час он стоял у дома в тупике и смотрел на темные окна квартиры на первом этаже. Здесь. Вошел в подъезд, потрогал легонько дверь одной из квартир и поддал бедром. Замок выскочил, как арбузная семечка. Блондин оглянулся, вошел, вытащил из старого шкафа какую-то одежду, бросил на пол. Посмотрел в тумбочке. Под скатертью лежало несколько купюр. Рублей триста. Сунул в карман.

Мебель вся, что ли? Ох, телевизор. Придется в эту самую скатерть и завернуть. Что там на кухне? Где лохи прячут свои великие ценности? В кастрюлях. Таковых нет. Но есть холодильник и в нем почти полная бутылка водки. О! Сверток в морозилке. В тряпочке дешевая ерунда то ли из золота, то ли просто желтая. Кажется, полный набор. Только что-то никакая сигнализация не мигает. Блондин вернулся в прихожую и громко хлопнул входной дверью. Сработало. Расслабимся же перед дорогой... Через пять минут к дому подъехала патрульная машина. Четыре милиционера с автоматами ворвались в квартиру на первом этаже. Они обнаружили две набитые вещами сумки, телевизор, завернутый в скатерть, и грабителя со стаканом в руке.

— Взяли с поличным, — отрапортовал сержант по рации. — Руки вверх! Лицом к стене! Раздвинуть ноги! Вы задерживаетесь по обвинению в грабеже неприкосновенного жилища.

Был третий час ночи, когда Блондина после составления протокола повели в камеру. Вдруг открылась дверь одного из кабинетов. Два нетрезвых мента вытолкнули в коридор широкоплечего парня с разбитым в кровь лицом.

— Давай, майор. Ты у нас еще права покачать успеешь.

Блондин встретился взглядом с Александром. В одних глазах был холод и высокомерие

убийцы, в других — потрясение и мука чело-
века, чья жизнь загублена.

— Бедняга, — пробормотал сквозь зубы
Блондин, никогда и никого не жалевший.

* * *

Галя второе утро подряд тащила Наташку
в модельное агентство. Вчера до нее очередь не
дошла.

— Ты найдешь свою очередь?

— Господи! Че искать-то. Там такая кочер-
га стояла, я ночью вздрагивала. Да вот она. Бусы
повесила на свои кости. Мам, мне еще долго.
Мороженое, мам. «Семейное», за двадцать руб-
лей. Клубнично-шоколадное.

— Да ты что, — возмутилась Галя. — На
кого ты потом будешь похожа! У тебя же пла-
тье. И помада.

— Не купишь, я этой дылде все платье по-
рву, такого хренового цвета.

Через несколько минут Галя принесла пол-
килограмма мороженого в фольге.

— Доченька, я пошла. Умоляю, веди себя,
как... ну ты понимаешь. Да, чуть не забыла. Ес-
ли ты пролетишь тут, может, сходишь по объ-
явлению. Видишь, салону красоты требуется
хозяйка помещения, правда, в скобках сказано
«уборка». Ну и что, для начала. А место хоро-
шее. Ленинградский проспект. И потом, все-та-
ки салон красоты. Всегда будешь хорошо вы-
глядеть...

— И долго ты мне такое хорошее место искала? — Наташа равнодушно сунула бумажку в карман. — Слушай, а ты вообще не можешь еще о ком-нибудь позаботиться? Меня ты достала. Ну хотя бы тем козлом занималась, с которым у тебя свидание.

— С чего ты взяла, что он козел? Даже я его еще не видела.

— Голос, как у козла. Не доведут тебя до добра эти объявления.

И Наташка помахала Гале, довольная тем, что последнее слово осталось за ней.

* * *

Сергей открыл сейф и обозрел наличность. Три бумажки по сто долларов и две по пятьдесят. А расходы предстоят большие. Нужно собрать такой материал, чтобы суду стало ясно. Это не просто преступление против личности и человеческой жизни, которое было совершено четыре года назад. Это преступление, которое продолжается уже четыре года. Которое будет продолжаться до смерти жертвы, если не наказать виновников. Если не вернуть ей все то, что должно ей принадлежать. Включая компенсацию за подорванное здоровье. Нужно убедить суд, что речь идет об особой жестокости и цинизме. Ибо жертва — мать, а преступница — дочь. А если оставить для суда красивые слова и пафос, ему, Сергею, прежде всего нужны бабки для взяток чиновникам за каж-

дую бумажку и оплату свидетельских показаний. Правдивых показаний!

Пока им не заплатили за ложные. Как на- зло, ни одного срочного заказа. Нет гонораров на подходе и нет снимков, которые можно было бы хорошо продать. А нужен-то всего один снимок, но такой, как «Девушка у реки». То, что он за него получил, стало самой крупной суммой в его жизни. Но дело было не только в его мастерстве. И Сергей набрал номер телефона.

— Але, — заговорил он дурашливым голо- сом. — Это питомник одной собаки? Вас беспокоит общество укушенных вкладчиков.

— Вы ошиблись, — ответил ему мягкий жен- ский голос. — Это ветеринарная помощь взбе- сившимся частным детективам. Чего тебе, Се- режа?

— Мне встретиться. И не рассказывай мне про режим своего Бобика, Дин. Я к вам при- строюсь. Хвост буду нести.

— Давай завтра. Подъезжай в десять в наш сквер. Узнаешь нас по рыжему окрасу.

— Спасибо тебе, девушка у реки.

Дина положила трубку и встретила обеспо- коенный взгляд Топаза.

— Ничего страшного, моя детка-конфетка. Я с Топиком. Мы дома. К нам никто не придет. Мы только посмотрим, сколько у нас денег.

Дина выдвинула ящик столика под зерка- лом. Пятьдесят долларов и двести рублей. Это критическая сумма. Это значит, нужно искать